

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Молодая война. Даниил Александрович Гранин

Смерть интенданта

Хозяйка резала хлеб.

Я не запомнил ни той хозяйки, ни избы, но как сейчас помню ее руку и длинные – полумесяцем – ломти с лаковой коркой. И горшок в зеленых цветочках, полный густой желто-белой сметаны.

Четвертый день наш полк выходил из окружения. Мы шли глухими проселками. Пыль тянулась за нами далеко, плотным облаком, в котором брели отставшие, ослабевшие от голода и жары.

В полдень приказано было свернуть к деревне. Как это все произошло – не знаю. Может быть, вперед выслали разведчиков, – мы тогда об этом не беспокоились. У нас был взводный, у нас был ротный и в голове колонны командир полка и штабное начальство. Наше дело было солдатское: держись поближе к кухне и подальше от начальства, – как учил Саша Алимов. Но поскольку никаких кухонь у нас не имелось, нужно было не теряться. Пока там чухались кого куда, Саша быстро сориентировался, и вот мы сидели с ним за столом и ели сметану.

Заглянул взводный.

– Пристроились? Вот это скорость, – сказал он. – Ладно, закругляйтесь и ко мне. Я напротив. – Он вздохнул. – Вы, ребята, того... брюхо пожалейте. Потом замаетесь, по кустам бегавши.

Мы только промычали. Такой у нас был тогда штатский разговор, потому что все мы пришли в ополчение с одного завода и взводный наш был мастер с прокатки, хороший мастер, наверное, за это комвзводом и поставили. Больше я ничего не слышал и не видел, я клал сметану на хлеб, сыпал себе соль прямо в рот, ел сметану с ложки. Ни о чем я в ту минуту не думал, иначе бы обязательно запомнил свои мысли, и говорить мы ни о чем не говорили, мы были слишком голодны. С тех пор как кончились сухари, мы ели лишь то, что попадалось у дороги, – незрелый овес, щавель, зеленую чернику, землянику, даже сырые грибы жевали.

Вдруг возле самой избы затрещал пулемет. Хозяйка вскрикнула. Послышался еще один пулемет, и подальше еще и еще...

– Немцы! – вот что крикнула хозяйка.

Какую-то секунду мы еще сидели за столом с набитыми ртами – пока сообразили, что у нас в полку не осталось пулеметов. Ни пушек у нас не было, ни пулеметов, только винтовки и гранаты.

Саша рванул в сени и сразу вскочил обратно:

– На огород давай!

Окно кухни, где мы сидели, выходило в огород.

– Вы уж простите, хозяйюшка, – успел сказать Саша и высадил прикладом раму.

Я выпрыгнул за ним, мы побежали, пригибаясь между гряд. Воздух свистел, прошитый пулями. Мы упали в картофельную ботву, перевернулись и увидели деревню. Огород спускался к речушке. Мы лежали на косогоре и впервые увидели эту деревню, вытянутую по гребню, и в просвете между избами тарахтел зеленый мотоцикл. Немец сидел в коляске и бил по нам сверху из ручного пулемета. Удобно сидел, а по дороге ползли бронемшины и лупили во все стороны, а в самой деревне взад-вперед носились мотоциклетки, и там тоже удобно сидели в колясках немцы. Впервые мы видели их так близко. Саша клацнул затвором и выстрелил в пулеметчика. Но, может, и не в пулеметчика, просто выстрелил туда, но выстрелил, и от этого я перестал смотреть на немца и тоже поднял винтовку, и приспособился за шестом пугала, за тоненьким шестом, жердиной, и стал стрелять. Пугало надо мной махало на немцев драными рукавами пиджака. Кепка с него слетела простреленная, а оно все махало, махало. Саша вытащил гранату, чуть приподнялся, швырнул ее, – это была ерундовая маленькая граната «РГ», но мотоцикл отъехал за избу, пулемет умолк. Мы покатались вниз, нырнули в ивняк, перемахнули через речку и побежали к лесу. Сперва шло мелколесье, ольшаник, а дальше – лес, редкий, болотистый, но все-таки лес.

Где-то в кустах мы свалились. Я отдышался, осмотрел себя, показал Саше сумку противогаза; ее пробило в двух местах. Противогазы мы давно выбросили. В сумке лежали гранаты. И – хлеб? Это был хлеб, который мы только что ели. Как я успел его туда сунуть, так я никогда и не понял.

– А могли бы взорваться? – сказал я, и мы захохотали. Хохотали изо всех сил, до слез хохотали.

– Здорово мы их шуганули, – сказал я. – Сколько ты выстрелил? Я раза четыре.

Мы воевали второй месяц. Окапывались, отходили, куда-то стреляли, но немцев мы по-настоящему не встречали, и делали то, что приказано, – а тут мы стреляли без команды.

– А где твоя шинель? – спросил Саша.

Скатка осталась в избе. Я до того расстроился, что хотел возвращаться назад, в деревню. Еле меня Саша удержал. Все настроение у меня испортилось. Попадет мне за шинель. Да и как объяснить взводному?

Послышались звуки моторов. «Броневики», – сказал Саша, и мы стали забираться в глубь леса. Мох бесшумно пружинил под ногами. Надо было искать наших. Они не будут нас ожидать. Мы шли, винтовки наперевес, готовые теперь ко всякой внезапности.

Посреди брусничной прогалины мы увидели военного. Он сидел на пне. Фуражка лежала у его ног. Редкие седые волосы плотно слиплись. Наверное, он был из нашего полка, но я его не знал. В малиновых петличках у него была шпала и интендантский значок.

Мы так обрадовались, что бросились к нему, махнув на все уставы. Он посмотрел на нас и не пошевелинулся. Нам стало стыдно за свою панику. Я застегнул ворот гимнастерки. Как можно спокойнее мы спросили его – где наши?

Он пожал плечами. Мы ничего не понимали.

– Нет полка, – сказал он. – Разбежались.

– Как же так, – сказал Саша, все еще на что-то надеясь. – Ведь это ж полк. Командир полка. И наш взводный, Леонид Семенович...

– У меня его кружка и помазок, – сказал я.

Интендант не слушал. Он даже не смотрел на нас. Глаза его были словно обращены внутрь, как будто он что-то рассматривал внутри себя.

Мы ждали, пока он объяснит обстановку. Он был командир, правда интендант, но все же командир, кадровый. Теперь нам нечего беспокоиться.

Из деревни по лесу начали стрелять минометы. Интендант вытащил наган, рука его тряслась.

– Товарищи, – сказал он шепотом. – Помогите мне.

– Вы что, ранены? – спросил Саша.

Он покачал головой и сказал самым обыкновенным голосом:

– Пристрелите меня.

– Как так? За что? Да вы что? Пойдемте.

– Не могу, – сказал он. – Сердце.

– Мы поведем, – сказал Саша.

– Я не могу идти. Совсем. Сейчас немец будет прочесывать лес. Давайте скорей. –

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Он протянул Саше наган.

Саша отступил.

– Есть приказ, – четко, по-командирски, сказал интендант. – Живым в плен не сдаваться! Знаете? – Рыхлый, грузный, он вдруг выпрямился, задервенел. – Документы я закопал, – сказал он.

– Мы вас понесем, – сказал я.

Саша посмотрел на болотистый кочкарник, который тянулся невесть куда.

– Исполняйте, – сказал интендант, – эх, вы, ополчение!

Несколько раз за войну я вспоминал этого интенданта. В голодную зиму сорок второго года, когда мы пухли в окопах под Пушкином. После прорыва блокады, когда наш полк – это был уже другой полк – ушел вперед, оторвался. Вспомнил на бетонном прусском шоссе, когда я командовал танковой ротой.

– Ополчение, – повторил интендант.

Старшим лейтенантом я понял, что он имел в виду. Ведь это был полк, – почему же не выставили охранения, дозоров, как нас могли застать врасплох, как мы могли разбежаться без боя из-за нескольких мотоциклистов? Но тогда мы с Сашей Алимовым ничего этого не понимали.

– Едут, – сказал интендант, прислушиваясь. Ревели моторы. Возможно, неподалеку была дорога и по ней двигались броневики. – Товарищи... ребятки... есть же приказ... – И он заплакал. Он пробовал поднять, повернуть к себе дрожащее дуло нагана и не мог.

Страх его передался мне:

– А как же мы? А нам куда же?

– Перестань, – сказал Саша опасным от стыда голосом. – Пошли. – И он пошел, не ожидая меня.

– Стой, – сказал интендант. – Приказываю.

– Катись-ка ты... – сказал Саша, не оборачиваясь.

– Стой, – повторил интендант. – Стрелять буду!

Саша раздвинул ельник. Интендант вдруг вскинул наган и выстрелил. Саша подпрыгнул, упал, ломая ельник. Я стоял рядом с интендантом. Мне ничего не стоило вышибить или просто отнять у него наган. Вместо этого я стоял и одурело смотрел на него – как он выстрелил, потом положил руку на сердце, сидя все так же прямоугольно. Саша выругался, я кинулся к нему, в глубь ельника. Пуля не зацепила его. Мы постояли, прислушиваясь. Странные звуки донеслись с прогалины. Не то всхлипы, не то полузадушенный стон. А может, мне это показалось? Я ни о чем не спрашивал Сашу. Мы старались не смотреть друг на друга. Потом мы шли, сохраняя азимут нашего полка, чтобы солнце оставалось справа. Иногда мы останавливались, отдыхая, прислушивались. И через час, и через два мы все еще слушали тишину за нашими спинами. К вечеру мы встретили двух солдат из нашего полка. У них был компас, и теперь мы могли двигаться точно на Ленинград. Ночевали в лесу. Я лежал, прикрытый полой алимовской шинели, и все еще прислушивался, пока не заснул.

После войны день Победы был нерабочим днем. Бывшие солдаты надевали свои ордена, медали, гвардейские значки и ходили на вечера, или просто в пивные, или культурно – в гости.

Меня пригласили на завод, посадили в президиум. В антракте я спустился в буфет. Там я увидел Сашу Алимова и с ним какого-то парня на костылях, тоже из ополчения. Мы заказали «московскую» и пиво.

– Будем вспоминать? – сказал Саша.

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– А почему не вспомнить, – сказал инвалид. – По крайней мере я тогда стоящим делом занимался.

– Ты помнишь того интенданта? – спросил я Сашу.

– Какого интенданта? – спросил инвалид.

– Был такой интендант, – сказал Саша. – Героический командир. Некоторые умилялись.

– Это я, что ли, умилялся? – сказал я.

– Забыл? Забыл, как всех воодушевлял, когда по лесу шли? В пример ставил. Во исполнение приказа – живым в плен не сдаваться.

– Точно, был такой приказ, – сказал инвалид. – От такого приказа, случалось, больше драпали. Кое-кто. У нас был случай...

– Погоди, – сказал я. – Неужели я это говорил?

Я ничего такого не помнил. Удивляясь, я слушал, как Саша рассказывал про меня.

– Сознайся, когда мы в болоте застряли, ты тоже небось подумывал, – сказал Саша.

– С чего ты взял?

– А с того, что я сам об этом подумал.

– Ты? – сказал я. – Думал? Ты кричал, а не думал.

– Чего это я кричал? – спросил Саша Алимов.

– Всю дорогу ты ругался и кричал, что не желаешь больше. Что раз так, ты не желаешь.

– Естественно, – сказал инвалид.

– Странно, – сказал Саша.

И он так сказал это, что я не стал говорить, как он плакал.

– Вот тебе и шутки-баламутки, – сказал инвалид. – У командиров, у них пистолет, а солдату попробуй из винтовки, застрелись. Конечно, в общем и целом приказ помогал. Вот после войны у меня было положение...

– Такие мы тогда были мальчики, – сказал Саша. – Ладно, выпьем за них.

Мы выпили.

– Штука этот ваш интендант, – сказал инвалид. – Как его фамилия?

– Не знаю, – сказал я.

– У нас там тоже был один такой.

– Ты что, был в нетях? – спросил я.

– Вот чудила. А про что я толкую? Выясняли, почему, мол, в плен попал. А дело было так. Когда нас прижали под Старой Руссой...

И он стал рассказывать нам свою историю.

Молоко на траве

Нас осталось четверо. Саша Алимов еще хромал, раненный в ногу. Мы по очереди

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru помогали ему идти. Оно было бы ничего, если бы Валя Ермолаев не проваливался. Он был такой грузный и большой, что кочки не держали его. А путь наш лежал через болота, и мы часто останавливались и тащили Ермолаева за ремень или протягивали ему жердины. Измученные, мы потом лежали на кочках.

– Это парадокс: ничего не жрет, а такая же туша, – злился Махотин. – Почему ты не худеешь?

– Бросьте вы меня, – ныл Ермолаев. – Не могу я больше.

– Надо было сказать это раньше, тогда б мы тебя не тащили.

Лежать долго было нельзя, кружилась голова от дурманного запаха багульника и болотных трав. Надо было подниматься и снова брести, опираясь на винтовки.

Хорошо, что ночи стояли светлые. Мы шли и ночью. На четвертую ночь мы выбрались в сухой березняк и увидели огни и услышали голоса. Голоса были женские. Мы подошли ближе. Сперва нам показалось, что это табор. Стояли телеги, плакали ребятишки. Говорили по-русски; Это были погорельцы. Бабы и старики. Деревня сгорела, и они ушли в лес. Спали в телегах. Днем хоронились, а ночью рыли землянки, варили картошку.

Когда мы вышли на свет костра, женщины испугались.

Мы стали совсем страшные на этих болотах, волосы в тине, гимнастерки, штаны – бурые от ржавой воды. Морды заросшие. Только винтовки мы держали в порядке, мы обматывали их тряпками, поднимали их над головой, когда лезли в трясину.

Мы сели погреться и сразу заснули. Проснулся я в землянке, на овчине. Это была не землянка, а какая-то нора. Не сравнить с нашими фронтowymi землянками, сделанными саперами. Низкая, без нар, стены земляные, пол земляной. Вместо двери висели два половика. Старуха и женщина лет тридцати сидели на полу и месили тесто в бадейках. Женщина заметила, что я проснулся, и дала мне печеной картошки. Я лежал, ел картошку, а она рассказывала про свое житье. Вечером они собирались пойти на пожарище поискать листы железа. Надо печки складывать. Я спросил, зачем печки. Она посмотрела на меня. Они были очень похожи, видно мать и дочь. К холодам надо готовиться. Ночи холодные скоро пойдут, а там и дождить станет.

– Что ж вы, в деревню не вернетесь?

– Пепелище там, – сказала старуха.

– Наша деревня-то у самого шоссе. От немца там замучаешься, – сказала дочь.

Был август сорок первого года. Я ни разу еще не подумал о том, сколько может продлиться война. Даже в голову не приходило. И никто у нас тогда не задумывался. Мы никогда не говорили об этом. А эти бабы думали. Они знали, что придется зимовать и надо сложить печи и приготовить к зиме. Я слушал их и впервые задумался, что же будет с ними и со всеми нами зимой.

– А куда вы идете, может, в Питере немцы, – сказала старуха.

– Не знаю, – сказал я. – Может быть. Только все равно нам надо идти.

– А то остались бы. Помогли бы нам печи сладить.

– Нет, – сказал я, – нам надо идти. Винтовка где моя?

– Я запрятала, – сказала дочь.

В это время в землянку влезли Махотин и Саша Алимов.

– Что делать будем? – сказали они. – Есть такое мнение – задержаться.

– Надо бабам помочь, – сказал Махотин. – И вообще...

– Картошечка, витамины, – сказал Саша. – И те пе.

- А где Ермолаев? – спросил я.
- Ермолаев влюбился и чинит ей сапоги.
- Полное разложение, – сказал Саша.
- Вот печки просят сложить, – сказал я.
- Это я умею, – сказал Махотин.

Потом в землянку втиснулся дед. Он ходил искать коров и не нашел. Стадо куда-то потерялось при бомбежке, и сколько дней все ищут, ищут его и так и не нашли.

- Видать, немец порезал, – сказал дед. – Без коров пропадем.

Дочь всхлипнула, хотела высвободить руку из теста и не могла, тесто тянулось за ней, тянулось...

- Между прочим, – сказал Саша Алимов, – как у вас, кобылицы есть? Я вас могу насчет кумыса научить. Нет, серьезно.

Они с дедом о чем-то пошептались и выползли из землянки.

Денек был туманный, теплый. Отовсюду доносился приглушенный осторожный шумок. Звякали чугуны, потрескивала береста. Тут было семей пятнадцать – двадцать – все, что осталось от деревни. В корыте, подвешенном между двух берез, стонал больной ребенок. Мать качала люльку.

- Может, кто из вас врач? – спросила она.

Среди нас не было врача, мы все были с одного завода. Из разных цехов, но с одного завода. Мы ничего не понимали в медицине. Когда у Саши Алимова рана начала гноиться, мы просто вырезали ему кусок ножом, а потом прижгли. Вот и вся была наша медицина.

Ермолаева я нашел под телегой, возле самовара. Ермолаев лежал, положив голову на ноги красивой бабе в тельняшке. Она была такая же рослая, как и он. Она гладила его волосы, и на траве лежали чашки, и пахло самогоном.

- Вот, Таисья, наш красный командир идет, – сказал Ермолаев. – А ему невесту найдешь? – Он пробовал подняться и не мог.

- Не знаю, как так вышло, – сказала женщина. – Всего полстаканчика и выпил. Видать, ослаб.

- Точно, ослаб, – сказал Ермолаев. – Во всех смыслах ослаб я. А Илья где?

- Здесья.

И тут из-за кустов вышел босой парень с перевязанной рукой.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, – ответил я. – Раненый?

- Было дело, – неопределенно сказал парень.

Мы сели. Парень достал бутылку:

- Выпьете?

Тут подошел Махотин. Он взял бутылку, поболтал, понюхал, отдал мне. Я тоже понюхал, потом посмотрел на Ермолаева и отдал ее парню.

- Дезертир? – спросил Махотин.

- Вроде тебя, – сказал парень. – Мне в госпиталь надо.

– Зачем тебе в госпиталь, оттуда тебя через неделю выпишут. А тебе тут лафа. Один наряд – баб обслуживать.

Парень засмеялся. Он не хотел ссориться, он хотел, чтобы мы остались в этой деревне. Он уже был в окружении под Псковом. Потом, когда они выбрались, их долго расспрашивали – почему да как... Теперь он боялся возвращаться. В партизаны – пожалуйста. Да и куда возвращаться?

Мы с ним тогда не спорили. Мы сидели и мирно пили чай и толковали про немцев, и про наших командиров, и про здешние леса.

– Я бы лично остался, – сказал Махотин.

И я бы остался. Мы рассказывали друг другу, как хорошо было бы остаться. Хотя бы на недельку. Отоспаться, и подкормиться, и помочь бабам... Только теперь мы начинали чувствовать, как мы измотались.

Илья налил полный стакан самогонки, протянул мне:

– Раз остаетесь, можно выпить.

– Да, – сказал я, – тогда можно было бы надраться будь здоров.

– Нам сейчас много и не надо, – сказал Махотин. – Видишь, как этого бегемота укачало.

Илья пододвинул ему стакан.

Мы смотрели на этот стакан. Кто-то прицокнул языком. Это был Саша Алимов, мы не заметили, как он появился со своим дедом. Кругом нас стояли бабы и ждали.

– Ежели идти, так сейчас, пока туман не согнало, – сказал старик. – Вам шоссе переходить.

– Эх, дед, что ты с нами делаешь, – простонал Ермолаев. – Ребята, больной я, что ж: это происходит, люди... – Он встал, чуть не плача, и шатаясь побрел куда-то.

– Ты смотри, – сказал мне Махотин. – Похудел наш Ермолаев. За одну ночь похудел. Загадка природы!

Ермолаев вернулся, неся все наши четыре винтовки.

Илья посмотрел на нас и выпил стакан самогона. Взяв винтовки, мы смотрели, как он пьет, запрокинув голову. Он вытер губы и сказал нам, хмелея на глазах:

– Пролетариат. Нет в вас корня земляного. Бросаете товарища своего.

Мы распрощались. Ермолаев обнял свою знакомую.

– Адреса нет у тебя, Таисья, – сказал он. – Вот что худо. И у меня нет. Нет у нас с тобой никаких адресов.

Ермолаев снял пилотку и низко поклонился:

– Простите нас, дорогие товарищи, женщины и дети.

Мы тоже поклонились. Мы не знали тогда, что за война ждет нас, не знали о мерзлых окопах, о блокаде, о долгих годах войны. Мы ничего не знали, но мы уже чувствовали, что уйти отсюда просто, а вернуться нелегко.

Женщины смотрели на нас сухими глазами. Покорно и молча. Никто больше не уговаривал нас и не осуждал. Таисья во все глаза смотрела на Ермолаева, прижимала к себе сапоги, они блестели, смазанные жиром.

– Возьми сапоги-то. Возьми, – сказала она.

Ермолаев замотал головой:

– Не возьму. – Он притопнул босой ногой. – Я привыкший.

– Обуйся, – сказал я.

Ермолаев обнял меня за плечи:

– Может, шинели им оставим? А? Мы и так дойдем. А им зимовать.

– Обуйся, – сказал я.

Он отступил.

– Сердца в тебе нет! – крикнул он. – Бюрократ.

Ребята смотрели на меня как чужие. Они тоже готовы были снять с себя сапоги и шинели, я чувствовал это. Я протянул руку и взял сапоги.

– Не трогай! – закричал Ермолаев.

Я бросил ему сапоги.

– Надевай, – сказал я. – Или оставайся тут.

Я пошел, не оборачиваясь. Потом я услышал, что за мной идут ребята. А потом услышал, как нагнал нас Ермолаев.

Через час мы подобрались к шоссе. Еще не доходя до шоссе, мы пересекли ту погорелую разбитую деревню. Беленые русские печи высились, широкие и могучие, среди выжженной земли. Сохранилась околица – кусок изгороди с воротами, закрытыми на веревочное кольцо.

По шоссе ехали мотоциклы и машины. Мы лежали в кустах. Машины ехали не торопясь, потому что туман еще не сошел, но нам-то казалось, что не торопятся они потому, что уже некуда торопиться. Такие у нас были тогда горькие мысли.

Наконец мы проскочили шоссе и снова шли лесом. Под вечер на закате мы вышли к речке, к стоптанному лужку за омутом. Здесь мы увидели коров. Вернее сказать, что они увидели нас. Они бросились к нам. Не подошли, а подбежали. С десятков коров и молодой бычок. Подбежали, мыча и толкаясь. С ними никого не было. Они глядели на нас и мычали.

– Недоенные, – сказал Ермолаев. – Молоко горит. Страшное дело.

Он наклонился, потрогал ссохшиеся соски. Через минуту, зачерпнув в котелок воды, он, приговаривая, ловко обмыл вымя у беломордой пеструхи. Корова вздрогнула, когда он, осторожно оттягивая соски, начал доить.

– Дай-ка мне, – сказал Махотин, – а ты другую готовь.

Ермолаев подготовил и мне.

– Ты обеими, обеими руками, по очереди, – учил он.

Только Саша Алимов не мог доить, потому что мешала больная нога.

Сперва мы доили в котелки и тут же пили молоко, а потом доили про запас. А потом некуда было доить.

– На землю, – скомандовал Ермолаев.

Мы стали доить прямо на землю. Молоко лилось нам на сапоги, впитывалось, разливалось лужицами. Мы все доили и доили. Трава торчала из белых парных луж. Молочные ручейки стекали в омут.

– Наверное, это их коровы, – сказал Саша.

– Слушай, командир, отведем? Отведем скотину, а? – попросил Ермолаев.

– Как же ты погонишь через шоссе? – сказал я.

– Давайте так, – сказал Махотин. – Кто-нибудь смотается туда, приведет мальчонку или кого из баб, а там уж пусть они сами переправляют.

Я прикинул – выходило, нам надо задержаться почти на сутки.

– Невозможно, – сказал я. – Не имеем мы такого права.

– Пропадут ведь, – сказал Ермолаев. – Понимаешь, скотина пропадет.

– Что там скотина, детишки пропадут, – сказал Махотин.

– Вот что, – сказал я. – Ищите себе другого командира. Давай, Ермолаев, становись за командира. На черта мне это сдалось. Хватит. Ты кем был на заводе? Член завкома? Вот и командуй.

– Не дури, – сказал Саша.

Но я лег на траву и вытянул ноги.

– Бюрократ, – сказал Ермолаев. – Куда мы бежим? Куда, я тебя спрашиваю?

Я смотрел на небо, на облака, которым было все равно куда плыть.

– Ладно, – сказал Ермолаев. – Черт с тобой.

Коровы щипали траву, но как только мы двинулись, они пошли за нами. Махотин отгонял их, махал на них винтовкой, а они перлись за нами сквозь кусты и буреломы.

– Надо пристрелить их, – сказал Махотин.

– я тебе пристрелю! – сказал Ермолаев.

– А есть такой приказ, ничего не оставлять врагу.

– Ах, приказ, – вдруг сказал Саша. – А детей оставлять врагу – такой приказ тоже есть?

Махотин отодвинулся за мою спину.

– Что ты психуешь? – сказал он. – Значит, по-твоему, пусть они немцам останутся?

– Кончай разговоры, – сказал я. – Идите.

Они пошли, а я остался с коровами. Потом я побежал от коров в другую сторону, перепрыгивая через пни.

Запыхавшись я догнал ребят и сменил Махотина, который помогал идти Саше Алимову.

...К утру мы перешли фронт где-то у Александровки и спустя час разыскали в Пушкине штаб нашей дивизии.

Солдат на КП

Согласно приказу армии танковая дивизия должна была обеспечить выход к переправе.

Артподготовка не удалась. Не хватило снарядов. Колонна со снарядами застряла под Старой Руссой, где разбомбили мост.

Согласно приказу дивизии полк Голубцова должен был овладеть предместными укреплениями.

После первых же попыток выйти из рожи, что тянулась низиной до самого берега, были подбиты две машины, и Голубцов понял, что вся затея безнадежна.

Он сидел на КП у радики и пытался связаться с командиром дивизии. КП помещался в бывшей немецкой землянке, единственной на этом болоте. Но еще раньше в этой

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru землянке стояли наши минометчики. От наших на стойках остались росписи химическим карандашом, от немцев остались гранаты на длинных деревянных ручках и открытка с какой-то девкой, пришпиленная к доскам нар. Голубцов занимал глухую половину землянки, отделенную плащ-палаткой. Над столом Голубцова горела фара, подключенная к аккумуляторам. От близких разрывов болотная земля вздрагивала, песок толчками сыпался из щелей наката. Он сыпался на фуражку Голубцова, на карту, в тарелку со шпротами. Молоденький радист сидел на ящике и смазывал умформер, не переставая твердить в микрофон: «Василек, Василек, я Сирень, я Сирень». Масленка в его руках звонко щелкала, и это раздражало Голубцова так же, как его беспечный голос.

– Долго ты будешь тыркаться? – сказал Голубцов.

Радист посмотрел на него, сдвинул наушники.

– Слушаю, товарищ майор.

– Связь давай, связь! – закричал Голубцов и выругался.

Радист сморщился, прижал наушники и вскочил.

– Второй слушает.

Лампочка мигала в такт словам Голубцова.

– Кончай, – сказал командир дивизии. Они воевали вместе уже год, и Голубцову стало ясно, что командир дивизии больше ничего сделать не может.

– Топчешься, топчешься, – сказал командир дивизии. – С ходу, с ходу прорывайся. Ну огонь, ну огонь, а ты как думал? – И оттого, что он ничем не мог помочь Голубцову, голос его накалялся. – Ты как думал, бубликами тебя встретят? Какого черта застряли! В штрафную захотел?

Голубцов тоскливо смотрел на мигающую лампочку. Комдив говорил ему все то же самое, что сам Голубцов только что говорил командиру первой роты. Немцы остановили полк справа, и теперь вся надежда была на полк Голубцова.

Он вызвал командиров рот. Командир первой сообщил, что загорелась соседняя машина.

– Где артиллерия? – спросил он. – Товарищ майор, где артиллерия?

– Ты сам артиллерия, нет артиллерии, – сказал Голубцов. – Догадываешься? Правее забирай и вперед с ходу.

– Некуда вправо. Болото, – сказал командир роты. – Там совсем... – Он выругался и самовольно отключил связь.

И хотя он вроде бы руганул болото и артиллерию, но Голубцову ясно было, что все это относится к нему, командиру полка, который ничем не может помочь и талдычит все то, что сам комроты видит и знает лучше его. Единственное, чего комроты не знал, так это про полк справа, но и это знание не могло помочь там, на болоте. Радист спросил: вызвать ли снова первую роту? В глазах его была усмешка.

– Помолчи! Ты мне еще тут... – крикнул Голубцов. Он закурил и стал тянуть жадно, глубоко, так, что голова закружилась. Откинув плащ-палатку, он вышел к связистам. Там пищали зуммеры телефонов, кого-то распекал помпотех. Очки прыгали на его носу, одно стекло было разбито, и глаз в пустой роговой оправе прицелился на Голубцова черным зрачком. Голубцов тяжело задышал, его качнуло, он схватился за стойку и увидел на нарах солдата. Солдат сидел, сняв сапог, перематывал портянку. При свете коптилки была видна белая ступня с желтоватой пяткой. Солдат громко жевал и смеялся.

– Ты чего? – Голубцов выплюнул папиросу. – Ты чего?

– Да вот, – солдат показал на картинку с голой девкой, подмигнул и снова хохотнул.

Голубцов задыхался:

– Ты... ты...

Солдат всмотрелся, вскочил, сдвинул ноги – босую и в сапоге.

– Товарищ начальник...

– Прячешься? Портянку мотаешь, придурок, – сказал Голубцов. – Молчать! Откуда? Чтоб духу твоего... К автоматчикам! Стрелять! Марш! Бегом!

Он кричал и кричал, уже не слыша своих слов, чувствуя только блаженное забытие.

Из-за плащ-палатки выглянул радист.

– Товарищ майор, вас двадцать третий.

Голубцов круто повернулся, радист попятился и щелкнул масленкой.

Взяв наушники. Голубцов стоя слушал начальника штаба армии.

– Па-а-чему не двигаешься? Ты что, операцию хочешь сорвать? Отсидживаетесь? Думаешь, я тебя не раскусил! Где машины? – Голубцов придвинул карту, наугад ткнул в бледно-зеленый квадрат. – Правее заходи, правее! – закричал начальник штаба.

Какую-то секунду Голубцов медлил, так просто было сказать «Слушаюсь», и податься вправо, и залезть в болото, откуда не выбраться, и сохранить машины и людей. Но он вспомнил командира первой роты.

– Нет, – сказал он и стал объяснять.

– Я тебе застряну! Имей в виду, милый мой, – ласково сказал начальник штаба, – не обеспечишь – под трибунал пойдешь. Танкисты-гвардейцы, так вас... Я тебе приказываю с ходу прорываться. Понятно? На полном ходу.

Голубцов представил, как по белой шее начальника штаба ходит острый кадык. Представил его пахучую трубку, и желтый прокуренный палец над этой трубкой, и веселые усики. Больше всего на свете Голубцову хотелось сказать сейчас все, что он думает про этот бой и про начальника штаба. Но он ничего не сказал и не понимал, почему он не может сказать, и от этого ему стало еще тяжелее.

Он положил наушники и зачесался. Тело его зудело. Он чесался, раздирая кожу.

Вбежал старший адъютант. Сообщил, что подбиты еще две машины.

– Ну и что? – сказал Голубцов. – Ну и что? В штаны наложил? Мне переправа нужна. Переправа. Машины подбитые потом сосчитаем. Сам сосчитаю. Слыхал? Отправляйся.

– Товарищ майор, нужно хотя бы...

– Молчать, – сказал Голубцов. – Отправляйся.

Старший адъютант посмотрел на него грустно и сочувственно. Он повернулся, щелкнул каблуками. Послышалось, как хлопнула дверь землянки. Голубцов перечеркнул на карте еще два ромбика. Надо было связаться с командирами рот, но он не знал, что им сказать. Наступил тот предел боя, когда слова стали бесполезны, и нечем было ободрить, и нечем было угрожать. Начальство дивизии и армии могло кричать на него, ему кричать было уже не на кого.

Внезапно наступила тишина, короткая пауза, какой-то обрыв, и Голубцов услышал, как кто-то за плащ-палаткой говорил:

– ...дымится наш-то, голубчик, погорит...

Когда его позвали к телефонистам, он увидел, что все в землянке изменилось. На нарах лежал старший адъютант и хрипел. Гимнастерка его была задрана, рубаха

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru залита кровью, санитар прикладывал тампон к животу. Вместо четырех телефонистов остался один, он быстро и уныло повторял: «Резеда, Резеда». На полу валялись катушки с проводами, чьи-то вещевые мешки. Из полураскрытых дверей вползал дым. Голубцов наклонился к старшему адъютанту.

– Молодец, – сказал он. – Ты молодец. А наши-то все-таки вышли к переправе.

Адъютант открыл глаза и посмотрел куда-то далеко-далеко.

Голубцов выпрямился, огляделся. В темном углу он увидел солдата. Солдат сидел на нарах и аккуратно наматывал портянку. Рядом стоял котелок. Зеленая краска облупилась, пятнами светился алюминий.

Голубцов глубоко вздохнул и улыбнулся. Не переставая улыбаться, он подошел к солдату, схватил его за борт шинели. Солдат податливо поднялся.

– Ты что же это не выполняешь, – сказал Голубцов.

Почему-то солдат оказался высоким и сутулым. Голубцов все силился рассмотреть лицо солдата, оно расплылось среди желтого полумрака, и он видел лишь черную дыру рта, она то исчезала, то появлялась, обдавая его спокойным махорочным запашком.

– Я тебе покажу, сучий сын, как укрываться, – сказал Голубцов и вытащил пистолет. – Я тебе покажу, как портянки мотать.

Он толкнул его вперед к выходу. Солдат подхватил одной рукой сапог, другой винтовку. Голубцов шел сзади, толкая его пистолетом в спину. На лестничке портянка у солдата размоталась, он нагнулся и подоткнул ее.

Только они вышли, выглянул радист.

– Товарищ майор! Где майор?

В это время совсем рядом ухнул снаряд, все зашаталось. Снаружи что-то закричали, радист выбежал.

Вскоре он привел Голубцова, перепачканного землей. Несколько секунд Голубцов стоял, прислонясь к косяку, закрыв глаза, и рука его с пистолетом крупно вздрагивала.

Наступление захлебнулось. Восемь машин, все, что осталось от полка, пятились в глубь рощи. Командир дивизии приказал Голубцову лично на командирской машине повести их к переправе с исходного рубежа второго полка.

– Чего молчишь? – сказал комдив. – Немец на исходе. Что я тебе могу... свою машину? Посылаю. Чего молчишь?

– Ладно, – сказал Голубцов.

Затем его вызвал начальник штаба армии.

– Все торчишь на КП? Приказ не выполнил! Все чухаешься? Рядовым пойдешь! Я тебе покажу...

Через полчаса Голубцова вытащили из разбитой машины и принесли в землянку. Ему раздавило грудь. Его положили на нары рядом с мертвым старшим адъютантом. В землянке стонали обгорелые, раненые танкисты. На полу лежал с разбитым бедром командир первой роты. В руке у него был оптический прицел, и он колотил им по доскам.

Голубцов открыл глаза. У своих ног он увидел солдата. Согнувшись, солдат что-то делал со своей ногой. Голубцов приподнялся на локтях. Солдат стянул сапог, содрал слипшуюся портянку, расправил ее и «начал вытирать большую белую ступню. Голубцов засмеялся, голова его упала. Серая суконная спина солдата быстро увеличивалась и закрыла все. Когда Голубцов очнулся, он увидел над собой открытку с голой девкой, длинные ноги ее были раздвинуты. Он не чувствовал боли. Внутри у него становилось пусто, как будто там уже ничего не было и нечему было болеть.

Молодая война. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Он скосил глаза. Солдат аккуратно обертывал ногу портянкой, разглаживая каждую складку.

– Я ж тебя расстрелял, – сказал Голубцов. – Ты ж убит.

Солдат повернулся к нему, прислушался.

– Эй, санитар! – крикнул он. – Начальник ваш пить просит.

Перешагивая раненых, подошел санитар, посмотрел.

– Кончается, видно, – сказал он. – И эвакуировать нельзя.

Солдат натянул сапог, притопнул ногой, наклонился, поднял гранату.

– Немецкая, – сказал санитар. – Зачем тебе?

– Свои кончились.

Радист выскочил из-за плащ-палатки.

– Форсировали! Товарищ майор...

– Все, – сказал санитар. – Не слышит майор.

– Эх, черт... не успел, – с досадой сказал радист. – Наши-то все-таки форсировали, у Замошья. Выходит, теперь ему и не узнать? – Удивляясь и все еще недоумевая, он уставился на санитаря. Тот махнул рукой, отошел к раненым.

Радист, мрачней, посмотрел на солдата.

– Пехота, – сказал он, – помоги-ка мне рацию погрузить.

Они потащили рацию наверх.

Болотистая с кривыми низкими сосенками роща дымилась.

– Молодой был? – спросил солдат.

– Немолодой, но отчаянный был. Жаль его, мы ведь с ним...

Солдат оступился и выругался.

– На кочках этих ногу сотрешь в момент, – сказал он. – А у меня плоскостопие.

Они погрузили рацию на танк, радист вскочил на броню.

Танк двинулся, подминая сосняк, выплевывая мшистый торф из-под гусениц. Солдат посмотрел ему вслед, подоткнул полы опаленной, искривленной шинели и захлопал по тропке к сборному пункту.

1964–1965

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!